

Вдовиченков за три года из едва набирающего известность актера раскрутился до звезды — обладателя ватаги поклонниц, высокой ставки, личного фан-сайта и личного же бумера. Вот с него Вдовиченков и счищал скребком снег возле кафе, где мы условились встретиться.

— Видели бы вы себя в тот момент, когда я к вам подошел.

— Я подумал, сейчас он попросит сняться на память и автограф. Бывают такие ситуации, когда понимаешь: без вариантов.

— Когда понимаете, что варианты для отступления все же есть, часто отказываете?

— Теперь да.

— А скажут: «Зазнался этот Вдовиченков».

— Пускай говорят. Если люди в упор не видят разницы между мной и тем, кого я играю — им не объяснишь.

— Раз люди держат вас за Фила из «Бригады» или Кота из «Бумера» — значит, вы хорошо актерски сработали. Иначе бы на

который здесь и сейчас во что-то вписан. Идешь прицепом к чему-то. И начинаются одни и те же вопросы — в сотый раз, как будто не прошло этих трех лет. И в какой-то момент уже хочется крикнуть: «Да чтоб тебя!» Да, я понимаю, работа. Но бывают удивительные случаи. Приходит ко мне женщина, говорит: «Володя, я ни одного вашего фильма не видела. Разговаривать с вами мне не слишком интересно, да и вам, я вижу, тоже. Давайте я все возьму из Интернета, сброшу вам по почте, и вы добавите пару-тройку фраз, чтобы было понятно, что я с вами действительно встречалась». Я не могу этот случай забыть.

Поллюбоваться на эту парочку в «Бумере-2» рванули зрители по всей Руси великой

Владимир Вдовиченков:

Сделаешь глупость — запомнят только её

улице вам раздавалось в спину: «Смотри, пошел парень, который бандита из себя корчил». Приятнее бы вам тогда было?

— Трудно привыкнуть к тому, что вот человек втемяшил себе в голову, что ты криминальный тип, и все. Ты можешь никакого отношения к криминалу и близко не иметь, ты можешь выкрасить волосы, я не знаю, в зеленый цвет — он все равно будет видеть тебя тем, кем хочешь.

— Хочет. А вы у человека радость отнимаете.

— Ничего я не отнимаю и именно поэтому стараюсь не фотографироваться на память и вообще меньше бывать на людях. Мы ведь дарим зрителю сказку, так? Но иногда сидишь в ресторане, оборачиваешься на знакомый голос, а рядом с тобой какой-нибудь известный артист, который...

— ... лыка не вяжет.

— Ну, предположим. Написал. Ты видишь это и обламываешься.

— Случались у вас в годы известной молодости такие обломы?

— Случались. А позже и сам в роли такого артиста бывал. Люди потом, наверное, возвращались домой и впечатлениями делились: «Что-то сегодня он не в форме был».

— Вы себя курить отучаете?

— Вообще-то я не курю. Но когда пью кофе, могу выкурить сигарету. Привычка.

— Раньше курили?

— Три месяца назад — вовсю.

— Силу воли тренируете?

— Пытаюсь здоровье сохранить.

— Вопрос уже встал ребром?

— Просто понял, что никотин — это одна большая подстава. Ты за свои деньги сам себя травишь и еще олигархам помогаешь наживаться. Это неправильно.

— Вы об этом не подозревали?

— Подозревал. Но раньше мне было по барабану. Сейчас уже нет.

— Я слышал, что для вас интервью — мука ада, похлебе, чем с поклонниками фотографироваться.

— Никакой муки. Просто интервью обычно приурочены к событию. Так у вас все устроено — и получается, что ты сам по себе не слишком интересен, а интересен только как человек,

Володя ездит на бумере, но он — не криминальный тип

— Вам, как бывшему моряку, скажу, что так можно от перегруза на дно пойти.

— Нет, правда: ты всю жизнь будешь делать добрые и умные дела, а потом совершишь единственную глупость — и все запомнят именно ее.

— У той барышни есть оправдание: она была с вами честной.

— Иная честность опасно граничит с простотой, которая хуже воровства, как известно.

— Кстати, а вы когда позволяете себе соврать? Ведь позволяете же.

— Ну, в кино всегда вру.

— Нет, я про жизнь.

— В жизни? Когда это никому не навредит.

— А вам пользу принесет, да?

— Не факт, что пользу. Просто люди веселятся, например, и спрашивают меня: «Чего такой грустный?» А я вижу, что им хорошо, и отвечаю: «Да не грустный я. Все отлично». Зачем я им буду настроение портить? Вот в таких мелочах могу соврать.

— Можно еще враньем развлекаться. Вы же не единственный артист, который интервью не любит. Некоторые отводят душу во всевозможных выдумках: если отвертеться не удалось, разведу я этого журналиста. Не пробовали?

— Да ну. Мало того, что ты тратишь время... извините за

выражение... тратишь время на интервью, так еще и заморачиваться, чтоб придумывать? Не.

— Если честно, перебирая в памяти ваши разнообразные актерские занятия — от жестяничка до кочегара, — я труднее всего представляю вас официантом.

— А почему?

— Не думаю, что вам по природе легко смириться с девизом «клиент всегда прав», а хороший официант без этого — никуда.

— Мне повезло. Я бы, наверное, никогда не стал официантом, если бы не познакомился с Лией Отаровной Квантришвили, хозяйкой ресторана «Парижская жизнь», где я работал. Вам это имя о чем-нибудь говорит?

— Ее — нет, имя ее отца — да.

— Ну, вот. Я пришел туда студентом ВГИКа, когда ресторан только-только открывался. Искать работу, денег не было, а хотелось. Но и времени работать тоже не было — постоянная занятость в отрывках. Но я умудрился так договориться с хозяйкой, что мне разрешили выходить только в выходные, самые денежные дни. И по ночам.

— Включили мужское обаяние?

— Наверное. Лия Отаровна была очень непростой женщиной. Выросла в определенной среде, знала ту жизнь не понаслышке и при всем при этом была готова заниматься честным бизнесом. А это важно, когда ты зарабатываешь деньги пускай не легким путем, пускай немного даже согнувшись, но честно. Никого не обманываешь, ничего не ворешь — пытаешься обеспечить себе жизнь. Это она убедила меня в том, что профессия официанта не стыдная.

— А было предубеждение?

— А как вы думаете? Я же раньше подобным не занимался. Потом, когда открывается новое заведение, особенно гламурное, пафосное, там тут же образовывается публика, называющая себя светской тусовкой. В массе своей никчемные люди, которые непонятно откуда взялись и сами себя высоко оценили, а ты в их глазах полное говно. Я иногда хамил. Мог подойти к столу и сказать: «А теперь все встали и пошли на х... отсюда».

— Жестко.

— Да, бывали жесткие моменты. Даже приезжали люди с разборками: «Что ваш официант себе позволяет? Да он знает, кто он такой есть?» Но хозяйка за меня вступалась, и мне прощалось. Интересный она была человек.

— А почему в прошедшем времени? Если она дочка Отари Квантришвили, то должна быть вполне молодой женщиной.

— Ее муж зарезал... Я очень ей благодарен — она мне много важных жизненных уроков преподнесла.

— Например?

— Например, когда ты приехал в столицу откуда-то издалека, невольной немножко пугаешься: ребята, я тут приезжий, а вы все такие крутые... Так вот, Лия Отаровна мне быстро объяснила, что все не так. Если ты из себя что-то представляешь и хочешь, чтоб к тебе относились соответствующе, этого всегда можно добиться. И чувства собственного достоинства терять нельзя: сам себя не уважаешь — никто не будет. Простые вещи, но важные. Для официанта, в частности. Поэтому: ребята, я вас сегодня обслуживаю, работаю качественно, но и вы ведите себя со мной прилично, иначе мы можем поругаться, и вам будет неприятно, да и мне. Нет, плевать в салат я, конечно, не стал бы...

— ... Вы при этом засмеялись?

— Вспомнил фильм «Бойцовский клуб», там были такие моменты. Но я не из этой серии человек, я не мог бы доставлять себе удовольствие исподтишка.

— Тогда могли вынести салат и плюнуть у них на глазах.

— Лучше просто наругать.

— Что для этого должны были сделать ваши клиенты?

— Я терпеть не мог снисходительности: «Мальчи, давай нам с девушкой по-быстрому столик организуй...» Даже если все это говорилось с доброжелательной улыбкой, я все равно срывался. Потому что я им не какой-то там бесполой «мальчик», а взрослый мужчина на работе. Бывало, я на ровном, казалось бы, месте упирался рогом: «Я вас обслуживать не буду. Пусть кто-нибудь другой». Заметьте, за границей — я много времени там провожу и это вижу — нельзя крикнуть официанту: «Давай-ка побыстрее!» Тебя сразу поставят на место. А у нас уверены, что за сто долларов на чай ты ноги целовать должен. Да по фигу мне ваша сотня.

— У вас, кстати, какие самые крупные чаевые были?

— Вот \$100 и было.

— Неслабо для студента ВГИКа.

— Зарботки были неплохие. Я в месяц получал две тысячи, работая по 8–10 дней.

— В институте вы свою ночную жизнь скрывали?

— Все знали. Я гордился, что нахожу в себе силы работать и зарабатывать, чтобы не ходить по общежитию из комнаты в комнату и не побираться, хлеб и картошку не кланчивать.

— Однокурсники в «Парижскую жизнь» не приходили, официанту Володе заказы не делали для приколов?

— Слишком дорогое место для приколов. Но если друзья заходили в мою смену, я им помогал что-нибудь вымунуть по-дешевле или бесплатно.

— В общем, со всех сторон полезный опыт был.

— Конечно. Я все же сдерживаться научился. Ну, в разных ситуациях. Воспринимал это как игру: сегодня ты такой — завтра буду я.

■ Дмитрий Савельев, Vogue — специально для «Собеседника».